

Я тебе (не) верю

Автор:

[Каролина Дэй](#)

Я тебе (не) верю

Каролина Дэй

Со стороны ее жизнь казалась счастливой: заботливые родители, балет и любящий парень. Но что делать, когда любовь всей жизни оказался предателем, коллеги по сцене строят козни, а родители насильно выдают замуж за тирана? Он ужасен, опасен и совсем не похож на принца из сказки. Возможно ли доверие там, где вместо свободы – клетка?

Содержит нецензурную брань.

Каролина Дэй

Я тебе (не) верю

Пролог

Чужая. Нахожусь не там, где хочу. Не в том месте и не в то время. Но изменить что-то мне не позволено. Не смогу уйти так просто. Нужно бороться. До победного конца. Иначе все мои поступки окажутся бессмысленными.

Просторный холл, в который меня затащили силком, наполнился светом, неприятно ослепляя. Непривычно после темноты, приятно окутывающей в своих объятьях. Мне было комфортно, хорошо.

Даже слишком хорошо...

Но счастье продлилось недолго, а воли, видимо, больше не видать. Надолго ли? Как решит он – мужчина, который навсегда отнял право на свободу, на личную жизнь. На спокойствие.

Со временем я превратилась в куклу с фарфоровым личиком, которая обязана радовать хозяина круглыми сутками. Но разве пай-девочке нельзя устроить небольшой бунт? Хотя с масштабами явно перебор. Небольшой? Нет. Все оказалось гораздо глобальнее.

– Ты совсем охренела? – рявкнул мужчина так, что стены трещать начали, и навис надо мной огромной скалой, готовой вот-вот раздавить. Физически и морально. Чтобы живого места не осталось от сформировавшейся когда-то личности.

Ах, да, чуть не забыла. Меня только что силой затащили домой с вечеринки. Вырвали из спокойной атмосферы веселья и беззаботности. Впервые за несколько недель я почувствовала себя свободной, более-менее живой, пока не вмешался этот идиот.

– Ты о чем?

В темных глазах мужчины напротив не видно ничего, кроме ярости. Он злился. Сильно злился. Только возбужденную девушку, остановить сложно, особенно, когда чувство вседозволенности взяло верх над всеми эмоциями.

Вопреки нарастающему страху, я все-таки решила напоследок досадить мужчине, строя из себя глупышку. Причем очень умело, с долей старания. Получилось очень правдоподобно, судя по последующей за вопросом реакции. Ещё бы! Настоящие блондинки умеют входить в образ в нужный момент.

– О том, дорогая, о том!

По тени, падающей на мраморный пол, заметила, как мужчина, смеющийся называться моим мужем, на секунду замахнулся, но затем, быстро опомнившись, резко впечатал ладонь в стену возле моего лица, заставив содрогнуться от

неожиданности.

– Какого хрена ты забыла в том богом забытом месте рядом с каким-то идиотом? – низкий бас, к которому до сих пор не успела привыкнуть, разлетелся во все части дома, во все комнаты. Удивительно, что прислуга не сбежалась на этот пронзительный крик – видимо, знали, что в такие моменты лучше не выходить из своего убежища.

Не дай Бог попадутся на глаза хозяину!

– Я сама решу, с кем общаться, а с кем нет! – пытаюсь ответить тем же тоном, но в глубине души осознаю простую истину – ничем хорошим мои выкрутасы не закончатся

И оказалась права.

Мужчина резко схватил меня за подбородок и больно потянул вверх, заставляя взглянуть в ненавистное лицо, разрушившее мою жизнь...

Темные глаза напоминали космические чёрные дыры. Злые. Прищуренные. Словно я не состояла с ним в браке целый месяц, а была заклятым врагом. Стало страшно.

По-настоящему страшно.

Готова сжаться в комок, лишь бы больше не чувствовать напряжение. Лишь бы освободиться от гнета этих ужасных глаз, готовых поглотить во тьму сиюминутно.

– Если ты не забыла, любимая моя женушка, – медленно протянул он, смакуя словосочетание, как любимое лакомство, – с недавнего времени ты принадлежишь мне.

– Если тебе удалось выкупить меня у родителей, это не значит, что я полностью твоя! Ай, – последнее вырвалось на автомате, когда он тряхнул меня за плечи и прижал к прохладной стене. Он – высокий и сильный, и я – маленькая и беззащитная.

Не стоит говорить, кто нас двоих выйдет победителем.

– Смелая, – от злого тона не осталось и следа, он приобрёл нотки спокойствия и... насмешки? Что так порадовало этого мужлана? – Когда же ты научишься держать язык за зубами?

Шрам на щеке хорошо виден в свете люстры, но я больше не обращала на него внимания. Потому что мне не до этого. Не до внешних дефектов в моменты безудержного страха. И чего-то ещё...

– Когда твои сладки губки перестанут сжиматься в тонкую линию и будут выкрикивать мое имя во время оргазма? – большой палец свободной руки медленно, растягивая удовольствие, обводил контур моей нижней губы. Затем перешёл на верхнюю, оставляя свой след. И так по кругу, пока помада окончательно не размазалась.

Сейчас я вряд ли похожа на королеву гламура, однако внешний вид волновал меня в самую последнюю очередь.

Ибо все внимание сосредоточено на другом человеке...

В какой-то момент его голос стал бархатным. Возбуждающим. Взгляд чуть помутнел, приобрел незнакомые ранее оттенки. Если бы на моем месте стояла какая-то расфуфыренная бабень, то купилась бы на все это и потекла лужицей перед «муженьком». Но я не одна из них.

Не одна из них...

Отчаянно повторяю про себя эти слова, как мантру, но с каждой секундой они оказывались все дальше и дальше от реальности.

– Никогда! – еще одна бесполезная попытка отрицания.

– Ты так уверена? – он перешел на шепот, опаяя ухо своими словами.

Когда я успела позволить ему приблизиться к себе? Когда начала вслушиваться в неровное дыхание? В какой момент руки ослабли, не в состоянии дать отпор?

Шершавая ладонь тут же коснулась бедра, поднималась все выше и выше, задрав и без того короткое платье. Остановилась на кружеве чулок. Нежно вырисовывала узоры.

Я чувствовала исходящее от него тепло. Чувствовала цепляющий взгляд, готовый окутать меня в свои сети. Чувствовала желание, которое невольно перестало быть односторонним.

О, черт!

Так хочется выкрикнуть громкое «Да!», доказать свое равнодушие к этому человеку, только вся уверенность в этом слове исчезла. Если раньше я злилась на своего «муженька» за одно только существование на планете, то сейчас испытала ранее неизведанное к нему чувство. Нет, не страх за свою жизнь, не ярость за своевольное поведение с его стороны. Что-то теплое, разливающееся по всему телу мягким покалыванием в конечностях. Что-то странное, неподвластное какому-либо объяснению.

Дышать становится все труднее, близость мужского тела больше не казалась противной. А ноги так и не смогли сделать шаг в сторону.

Потому что сопротивляться бесполезно, когда ты сходишь с ума...

Глава 1

Несколько месяцев назад.

– Ксюша, завтрак на столе! – крикнула мама, постучав по двери.

Эх, а я так хотела еще немного поваляться в мягкой кровати, понежиться в любимом теплом одеяле и почитать книгу. Осталось всего ничего до конца главы! Теперь вряд ли узнаю, останутся герои вместе или разойдутся по разные стороны баррикад. Ничего, после репетиции узнаю. Как раз буду ехать в трамвае и дочитаю главу.

Как же сегодня ярко светит солнце, ослепляет даже через занавески. Моя достаточно просторная комната постепенно наполнялась светом за все то время, пока я читала роман, то есть за двадцать минут. Долгий сон не так полезен, как кажется со стороны. Так нам говорили в балетной школе.

Так не хочется вставать и куда-то идти, но работа зовет. Странно звучит со стороны, не находите? Многие терпеть не могут вставать с утра пораньше и мчаться в какой-нибудь ненавистный офис, где начальник будет кричать не за что. Просто так, от души.

Но это не про меня!

Балет – вот призвание всей моей жизни! Годы упорного труда, тренировок и самодисциплины ушло на то, чтобы добиться наивысшего результата. В моем случае – звание примы балетного театра.

Через день у нас состоится премьера, облажаться нельзя даже массовке. Важный спектакль, мой дебют на большой сцене в качестве ведущей артистки. Я долго к этому шла, пора доказать всем, чего стоила.

Завтрак готов – почувствовала по запаху овсянки, а как только зашла на кухню, убедилась в этом окончательно. Мама хлопотала у плиты, выставляя на стол шедевры кулинарии, от которых слюнки текли, папа деловито глядел в ноутбук. Как всегда завалил себя работой с утра пораньше.

– Опять читала книгу? – тут же поинтересовалась мама, взглянув с укором.

Она ценила мою любовь к литературе, но не выносила, когда я садилась за чтение перед репетицией. В последние дни мне приходилось вставать часов в семь и возвращаться домой часов в восемь. Утомительно, согласна, но за годы обучения невозможно не привыкнуть к этому ритму.

– Ну, мам, там такая интересная книга!

– Опоздаешь такими темпами и не позавтракаешь нормально, – вновь укор в родном взгляде, но к этому я тоже привыкла и считала в данном случае правильным. Ну, почти.

Вообще, в приеме пищи необходимо соблюдать баланс. Нужно запастись энергией, но не переедать, особенно перед разогревом, иначе бок будет ужасно болеть. Скажу откровенно, дело это не из приятных. Совсем. Но пока доберусь до театра, необходимый минимум перерыва между завтраком и началом разминки пролетит быстро.

– Ничего не опоздаю! – возразила я своей заботливой родительнице.

– Перестань, Наташ, – буркнул себе под нос папа. – Смотри, какая у нас красивая девочка, прима Большого театра! Пусть делает, что хочет! – гордо похвалил, а затем, потянувшись, чмокнул меня в макушку. Вот он – любимый папочка, готовый в любой момент бросить свои дела в бизнесе и прийти на помощь единственной дочери.

С родителями у меня всегда были хорошие отношения. Мама, будучи понимающей женщиной, поддерживала меня при поступлении в школу искусств, а отец, воспользовавшись полезными связями, похлопотал, чтобы меня взяли в балетный театр на постоянной основе.

А дальше все зависело только от меня. Именно благодаря таланту и упорству мне дали главные партии, требующие большой отдачи и многочасовых репетиций. Много сил вложила в любимое дело: рвала мышцы, выкладывалась на силовых тренировках, чтобы достичь желаемого результата и остаться в заветном месте под солнцем.

– Кстати, милая, на премьеру придет друг твоего отца. Достанешь и ему билетик? – как бы невзначай интересуется мама, но я-то знаю, что за этим следует.

Мысленно вздыхаю. Опять папа захочет похвастаться красавицей-дочкой, а заодно заключить договор на нейтральной территории. Ну, почему все время выбор падает именно на театр?

– Опять деловые переговоры на моих спектаклях? – нахмурившись, посмотрела на папу.

Прикрыв крышку ноутбука, строго отец взглянул на меня темно-серыми, как у меня, глазами. Как на маленькую нашкодившую девочку. Ну все, сейчас опять

будет ругаться!

– Ксения! – возмутился он. – Достань нам билеты! – отчеканил тоном, не терпящим возражений. Ненавижу, когда дома папа включает грозного начальника.

– Ладно.

Спорить с папой бесполезно – все равно выйду проигравшей в неравной борьбе. Но это не мешало мне в тайне ото всех сердиться на него. Хотя... нет. Не могу долго злиться на любимого папочку.

Достать билет на спектакль – простая задача для примы, я бы даже сказала – элементарная. Только о подобном предупреждают заранее, хотя бы за неделю, а не за два дня до премьеры. Но ничего, не из такой попы выходила сухой из воды.

Как бы странно это не звучало, но мои мысли всегда крутились вокруг балета. Это нормально. Привычно. Но со стороны выглядит, как болезнь. Так и есть. Для меня балет – определенная форма заболевания. С ней я ем, сплю, работаю. Живу... И отказываться от нее не намерена.

Если ты не чувствуешь кожей энергетику во время танца, если не ощущаешь прилив сил и не испытываешь наслаждение – тебе не место в этом мире. В балете ко всему нужно подходить серьезно. Начиная систематическими тренировками, заканчивая стремлением идти только вперед. И я старалась находиться в этом диапазоне, в этом ритме, иначе окажусь на самом дне.

До премьеры остались считанные дни, нужно все как следует прогнать, чтобы не возникло конфузов. Здесь важно все: кто кого будет обходить и через какое плечо, через какие кулисы ушел, нужно ли делать переход на другую сторону. Я не говорю о совместных партиях и поддержках – это отдельная песня.

Чуть что – столкновения не избежать.

– Ксюша, а вот и ты! – радостно воскликнули девчонки, стоило мне появиться в гримерке.

Любимый театр, любимый дом, любимые люди. Служу здесь всего ничего – пара месяцев, но девчонки и парни с радостью приняли меня в свои ряды. Кроме одного человека.

Когда все подбежали ко мне здороваться, только Лана сидела на месте, тщательно завязывая пуанты. Вообще, с этой девчонкой у нас сложились странные отношения. Так сказать, невзлюбили друг друга с первого взгляда. Поговаривали, что она метила в примы, пока в коллектив не пришла Ксения Ольшанская и не испортила все планы.

– Мы тебя ждали. Смотри, какие костюмы классные! – крикнула мне одна из девчонок и потянулась к вешалкам, где висели наши наряды.

Белые пачки и платья сразу бросились в глаза. Блестящие, из тонкой мягкой ткани. Всегда нравилось любоваться танцевальными костюмами, и, видимо, не мне одной. Интересно, мы будем в них репетировать?

– Красота, – только и сказала я, найдя среди изобилия нарядом вешалку со своей фамилией. Белоснежное платье, с блеском по краям, с красивыми рукавами в виде крыльев. Какая прелесть! О таком костюме можно только мечтать.

– Девочки, вы что стоите? Бегом на разминку! – в дверях появилась Августина Кирилловна.

Наш любимый хореограф и по совместительству руководитель. Строгая женщина с прямой осанкой и вечным пучком на голове. Но мы по-своему любим ее. Если бы не она – у многих девочек вместо рук были бы иссохшие ветки, а вместо нормальных поддержек – сплошные падения.

Все, как одна, побежали в хореографический класс, бурно обсуждая предстоящую премьеру, только я осталась стоять на месте, рассматривая свой костюм.

– Правда, красивое? – неожиданно за спиной появилась Лана.

Яркая блондинка со странной улыбкой, похожей на оскал зверя, – такой видели ее со стороны. Девушка казалась чуть выше меня ростом и чуть полнее за счет

выдающихся форм, которые приходилось скрывать утяжками. Как именно она пробралась в балет – неизвестно. Обычно таких красоток отсеивают на начальном этапе еще в школе искусств.

– Августина Кирилловна сказала, что оно практически сшито на меня.

Очередная попытка задеть. Я не видела лица девушки, но сразу же почувствовала исходящий с левой стороны (именно там стояла Лана) яд. Не скажу, что мне приятно слышать подобное, но и загонять себя в депрессию из-за завидующей конкурентки не вижу смысла. Выработанная с годами самодисциплина приносит хорошие плоды по сей день.

– Жаль, очень жаль, – только и ответила, а затем присоединилась к девчонкам на пробежке. Это лучше, чем выяснять отношения и устраивать скандал. Я не из тех людей. Лучше потратить время на что-то полезное.

Все прошло как обычно: сначала пробежка в качестве разогрева, разминка, потом растяжка на полу и у станка. Мой самый любимый этап. Знаете, как приятно ощущать свои мышцы, чувствовать, как они натягиваются, словно гитарная струна. Ты будто ходишь по грани, совершаешь невозможное. Главное – не переборщить, иначе можно порвать, а это месяцы восстановления.

К вечеру все поддержки были отработаны, координация налажена, а костюмы не порваны, что немаловажно. Из служебного выхода все выходили уставшие, изнеможенные, но довольные проделанной работой. А я?

Мое настроение поднялось, казалось, до самых вершин, когда встретила у выхода широко улыбающегося Лешу. Светлый, красивый и такой родной. Вот что заставляет натруженные мышцы чуть расслабиться – теплый взгляд любимого парня.

Он всегда приходил после репетиции и провожал до дома, чтобы его девочка не попала в какую-то авантюру. Его девочка... Звучит довольно мило, особенно из уст Леша, который смотрел на меня с искрами в синих глазах.

– Как прошел день у моей примы? – приобняв меня, прошептал парень, оставляя на мочке легкий конденсат. Я старалась прижаться к нему как можно теснее. Ближе. Потому что скучала.

– Замечательно. Только ноги немного устали.

– Я соскучился, – Леша сильнее обнял меня и оставил на губах такой желанный и чувственный поцелуй. Тот, который всегда запоминается до следующей встречи, говорящий гораздо больше, чем слова любви.

С Лешей мы познакомились полтора года назад на летнем фестивале. Среди огромной толпы молодежи я заприметила светлую макушку, а затем встретилась с синими улыбающимися глазами.

И пропала...

Где-то внутри словно щелкнуло. Внезапно. Объяснения казались на тот момент излишни – оба поняли с первой встречи, что это значило. Была ли это любовь с первого взгляда? Возможно. Мы любили друг друга без памяти. Трепетно. Нежно. Мы созданы друг для друга. В этом я абсолютно уверена.

– Поехали ко мне? – оторвавшись от моих губ, спросил парень. С надеждой на продолжение крышесностного поцелуя. Но, с сожалением в голосе, произношу:

– Я очень устала, тем более время позднее.

– Тогда завтра? – в его голосе слышалась надежда.

Черт. Как же не хочется вновь обламывать любимого. Знаю, что постоянные репетиции отнимают много времени и сил. Из-за них мы давно не могли нормально встретиться и провести время вместе.

Мне приходится выкладываться больше остальных и тренироваться, соответственно, дольше. Но в глубине души я верила, что в скором времени мы найдем хотя бы денек и возместим все сполна.

– Завтра у нас репетиция допоздна. Ты же знаешь, через день у меня премьера. Кстати, ты придешь?

– Обязательно, – Леша провел своей ладонью по моей щеке. Нежно. Как умел только он.

Сейчас он так ласков и заботлив, но в глазах видна некую недосказанность и грусть. Ничего, милый, потерпи еще немного. Осталось всего пару дней. Потом мы наверстаем упущенное. Обещаю.

Спустя пару минут, пока мы шли до трамвайной остановки, Леша смог отвлечь от ненужных мыслей и чувства вины. Мы разговаривали, обнимались и долго целовались у подъезда, словно прощались не на день, а на целую вечность. В такие моменты чувствовала себя самой счастливой на свете...

...не подозревая о грядущих переменах.

О том, что через несколько дней эти воспоминания перестанут казаться такими радужными и позитивными. Почему?

Потому что за ними наступит беспросветная тьма...

Глава 2

Вот и настал день премьеры. День, когда все валится из рук, а волнение выдает с головой. Предвкушала этот день с нетерпением. Размышляя о пройденных днях, о постоянных репетициях, от кайфа, который испытываю по время танца, понимаю, насколько этот день важен для меня, для моей карьеры.

С самого утра нахожусь в театре и никак не могу сосредоточиться. Взгляд расфокусирован, ноги поднимаются не так высоко, как нужно. Августина Кирилловна сильно ругалась, когда я не докручивала фуэте. То тридцать один, то и вовсе двадцать девять.

До премьеры остались считанные часы, а прима Большого театра не в форме! После финального прогона я, закрывшись в хореографическом классе, затем постаралась собраться духом. Сегодня мой дебют. День, когда я смогу показать свои навыки, смогу доказать не только руководителю и коллегам, что чего-то

стою, но и зрителям.

Ближе к вечеру каждого из нас загримировали настолько сильно, что никто не мог узнать свое отражение в зеркале. Для девчонок это было в порядке вещей, а я так и не привыкла к этому за годы выступлений во время обучения.

Ярко накрашенные глаза, которые видны, казалось, из космоса, и красные губы, обведенные чуть дальше настоящего контура. Если посмотреть вблизи, то выгядим мы не лучше размалеванных девчонок с Ленинградки, зато с расстояния зрительного зала – настоящие красотки на конкурс «Мисс вселенная».

Звонили родители. Сказали, что сидят на своих местах вместе с папиным партнером. Чуть позже помашу незаметно рукой из-за кулис, позволю маленькую шалость. Как жаль, что я не смогу сейчас к ним спуститься. Мама сообщила, что поднимется ко мне на антракте.

Во время обучения в балетной школе она любила заходить в гримерку и давать напутствия. Я так любила эти моменты, а сейчас ощущаю некую непривычность, стоя возле сцены за кулисами.

И не только это меня беспокоило.

Сегодня Леша так и не позвонил. Обещал прийти на премьеру, но за весь день не получила от него ни одного сообщения, даже доброго утра не пожелал. Может, с ним что-то случилось? Может, появились неотложные дела? Но, в таком случае, что помешало предупредить о неотложке? Черт! Почему именно сегодня?

Нервы на пределе. Мы с девчонками поддерживали друг друга, парни старались тоже подбодрить, но я все равно тряслась, как осиновый лист, особенно в тот момент, когда раздается знакомая музыка и за кулисами осталась в полном одиночестве.

– Готова к выходу? – поинтересовалась Лана, когда я ожидала своего появления на сцене.

– Конечно. А ты? – улыбнувшись, спросила я, делая вид, что не заметила вскользь брошенного на меня взгляда и странную ухмылку. Стараюсь не смотреть на девушку – не до того сейчас.

– Я всегда готова, – и тут же выбежала на сцену, порхая как бабочка. Она неплохая балерина, талантливая, только скверный характер мало кого красил.

Через несколько минут настал и мой черед. Отработанные движения выполнялись на автомате, улыбка не сползала с лица все время, а волнение как рукой сняло. Все смотрели только на меня и аплодировали, когда сцена заканчивалась. Я не предпринимала попыток найти родителей или Лешу в зрительном зале. Это бесполезно, особенно в такой темноте. Нельзя отвлекаться на зрителей. Ни в коем случае.

Первая часть спектакля прошла безупречно. Августина Кирилловна чуть ли не расцеловала меня в обе щеки, когда я вернулась за кулисы. Зрители аплодировали нашему выступлению еще очень долго, прежде чем уйти на антракт.

Больше не тряслась. Пережила первое волнительное появление на большой сцене. Однако, когда мама заглянула в гримерку и позвала к себе, я почувствовала, как камень с души упал – настолько ее появление успокоило. Как и всегда.

– Доченька, – мама тут же крепко обняла меня, подарив родное и так необходимое тепло. – Ты молодец, мы гордимся тобой, – прошептала она, разнимая объятия.

Вот они – слова, которые я так ждала ведь день. Вот что необходимо любому человеку. Признание и поддержка близких людей. Они мотивируют, успокаивают и наполняют человека светлым чувством благодарности.

– Познакомься, Ксюша, это Глеб Олегович.

Я не сразу заметила, как к нам подошел папа вместе с высоким мужчиной. Папа довольно улыбался, даже горделиво, однако проявлялось это чувство в хорошем смысле. Он гордился мной. А я им. Но папа вместе со всеми теплыми эмоциями отошел на второй план, как только перевела взгляд на делового партнера.

Тут же потеряла дар речи.

Хотя нет, слишком пафосно сказано. Скорее засмушалась перед незнакомым человеком, которого мне представили как равного, несмотря на разницу в возрасте, казалось, раза в два. Да и в телосложении он больше меня раза в два. Я ощущала себя дюймовочкой рядом с ним, даже с папой подобных ассоциаций не возникало.

Цепкий взгляд, затуманенный поволокой тьмы, и темные волосы с едва просвечивающей сединой на висках. И длинный шрам на левой щеке, протягивающийся от виска, не доходя чуть-чуть до подбородка. Кто же с ним такое сделал?

Мужчина перехватил мой взгляд, от чего стало неудобно. Неуютно. Но вида не подал, не стал отчитывать за неприличное рассматривание дефектов. Все равно чувство стыда слегка накрыло меня. И он это тоже понял. Наверное. По его взгляду мало что можно понять.

– Приятно познакомиться, – я улыбнулась и потянула руку в знак приветствия. Папа учил меня, что с партнерами нужно быть дружелюбной – от этого многое зависит.

– Взаимно. Вы великолепны на сцене, Ксения, – пробасил мужчина низким, чуть бархатным голосом.

Хотела отделаться лишь рукопожатием, но мужчина повернул мою ладонь тыльной стороной вверх и оставил на ней невесомый поцелуй. Вновь меня накрыло смущение. На этот аз четко прочувствовала, как к щекам прилила кровь, делая из меня помидора. Хорошо, что за слоем грима ничего не видно.

– Спасибо.

Я не смотрела в его сторону, старалась не встречаться взглядом, да и вообще вела себя как маленькая закомплексованная девочка. Не скажу, что никогда не испытывала ничего подобного, но так сильно я не стеснялась уже давно. Странно, правда?

– Мы пойдем, антракт скоро закончится. Удачи тебе, родная, – дала мне напутствие мама и ушла вместе с отцом и Глебом Олеговичем к выходу из служебного помещения.

Я проводила честную компанию взглядом и хотела пойти готовиться к следующему выходу. Но остановилась у входа в гримерку. Обернулась. На автомате. Словно так задумано. И встретилась глазами с папиным деловым партнером, который выходил последним, вслед за родителями.

Наверное, я навсегда запомню этот взгляд: темный, прищуренный, но радостный, судя по небольшой паутине морщинок, образовавшейся вокруг глаз. Что-то в нем пугало. Отталкивало. Но разрушить созданный контакт почему-то не спешила. Пока...

– Ксюша, на выход! – от странных мыслей отвлек крик Августины Кирилловны. Черт! Я даже не заметила, как быстро закончился антракт.

У выхода, где недавно стоял мужчина, никого не оказалось. Ушел. И мне от этого стало легче. Теперь можно сосредоточиться на спектакле. Вновь нужно идти на сцену и показывать всем свой талант. Ноги в руки и вперед. Точнее в пуанты.

Вторая часть пролетела совсем незаметно, буквально на одном дыхании. Совсем не чувствую конечностей, голова слегка кружилась после фуэте в последнем акте, но это ерунда – зрение быстро восстановилось.

Зрители аплодировали очень активно, а когда наконец-то включили свет, увидела своих родителей и папиного делового партнера, сидящих на первом ряду. Но все это отошло на второй план. Потому что осознание горькой правды затмило радость удачного дебюта.

Леша не пришел на мою премьеру.

Я просмотрела зал театра несколько раз, желая встретиться с любимыми светлыми глазами и завидеть улыбку на родном лице. Однако ее не было. Ни улыбки, ни любимых синих глаз.

– Наконец-то закончилось! – крикнула Маринка, плюхнувшись на свое место, как только мы забежали всей оравой в примерку.

– Премьера однозначно состоялась! – радостно воскликнули где-то сзади. Я так сильно устала, что не различала голоса.

Не могу не согласиться с единогласным мнением. Премьера действительно удалась, судя по реакции зрителей. Охапки цветов, подаренные на поклоне, буквально валялись с рук. Розы, тюльпаны, гладиолусы. Придётся их оставить здесь, с таким подарком точно не уеду отсюда.

– Пойдем в кафе? – спросил кто-то из девчонок. – Ксюш, ты с нами?

– Простите, девочки, сегодня без меня. Ноги отваливаются, – не соврав, ответила я. Мне бы дойти бы до папиной машины, не то, что до кафе.

– У всех здесь ноги отваливаются, – крикнула Лана, стягивая с себя пачку.

– Да ладно тебе, Лан. Отдохнем без нее, – Маринка махнула рукой и тоже начала переодеваться.

Привычное окончание дня. У девчонок всегда находились силы на совместное времяпрепровождение. Только не у меня. Возможно, не привыкла еще за время службы в театре к таким нагрузкам. Ничего, время покажет. Вскоре я тоже смогу не обращать внимания не усталость и веселиться на полную катушку.

Толпа на улице расходилась неохотно. Многие зрители все еще стояли у главного входа, кто-то покурил или ждал знакомых, но мне было все равно. Единственное, о чем я мечтала, – найти машину отца и уехать наконец-то домой, но взгляд так и не наткнулся на знакомую белую иномарку.

Даже о Леше совсем позабыла и вспомнила только в тот момент, когда увидела возле парадного входа обнимающиеся парочки. Разглядывать собравшуюся толпу не стала, понимая, что его тут нет. Взгляд не цеплялся за любимого парня.

Волнение подкатило к горлу. Может, с ним и правда что-то случилось? Это уже не шутки. Вдруг Леша в больнице, а я об этом не знала. Мне бы позвонили в этом

случае. Но кто? И услышала бы я звонок? Наверное, да. Нужно обязательно проверить.

– Потерялась? – низкий голос резко раздался возле моего уха. Я даже подпрыгнула от неожиданности, позабыв о телефоне, о срочном звонке от Леши. Обо всем на свете.

Повернулась в сторону обладателя пугающего голоса и вновь встретилась глазами с папиным партнером – Глебом Олеговичем. В отличие от меня, он стоял расслабленно и покуривал сигару, наплевав на запреты о курении в общественном месте. Так вот откуда этот знакомый с детства запах? Табак с легким ягодным привкусом. Папа раньше курил что-то подобное.

С первой встречи я не заметила, во что одет мужчина, да и сейчас, стоя на темной площади, освещаемой лишь напольными светильниками, не смогла бы толком разглядеть его.

– Скорее устала.

– Твои родители выезжают с парковки, – проговорил мужчина, выпуская клубы дыма в сторону. – Скоро подъедут, не переживай, – улыбнулся странной улыбкой, приподняв лишь уголки губ.

Вопреки всем предрассудкам и бессмысленности затеи, я все-таки смогла рассмотреть его внимательнее в свете проезжающей мимо машины (не папиной). Взрослый, статный брюнет с серьезным темным взглядом, странной ухмылкой.

И большим шрамом на щеке, хорошо видном на свету.

Даже за это мгновение я успела рассмотреть чуть выпуклую белую полосу на лице. Ровная, словно по линейке провели. Говорят, шрамы украшают мужчину. Но не в его случае. Он не портил лицо, но сильно выделял его, скрывая остальные черты лица.

Молчание между нами затянулось. Я больше не смотрела на него, не пыталась уловить сходство с папой, однако сквозь усталость чувствовала, как он

разглядывал меня. Внимательно. Улавливал каждое движение, каждый шорох. И меня это дико бесит.

- Вы давно знакомы с моим отцом? - любопытно спросила я, стараясь развеять напряженную тишину.

- Мы недавно начали вести переговоры. Если повезет, то будем сотрудничать, - мужчина ответил так легко и непринужденно, будто это ни для кого не секрет. Может, так оно и есть? Я мало смыслю в бизнесе.

- Что влияет на везение?

- Судьба, - вновь выдохнув клубы дыма, спокойно ответил он.

- А что влияет на судьбу?

Откуда во мне проснулось любопытство? Еще недавно я молилась всем богам, чтобы поскорее оказаться дома, да еще и стеснялась стоять рядом со взрослым малознакомым человеком, который буквально сканировал каждую родинку на моем теле. А тут...

- Кажется, ты говорила об усталости, - Глеб Олегович посмотрел на меня с укором. «Ага, пора притормозить», - подумала я про себя, только на деле, видимо, вышло совсем по-другому.

- Я устала физически, а не морально.

- Какая ты любознательная, - немного странным тоном заметил мужчина. Почему все его действия кажутся мне странными? - Хочешь пойти по стопам отца?

- Нет. Я балет ни на что не променяю, - мой ответ звучал уверенно, четко, но на его лице вновь заметила насмешку, будто глупость какую-то сморозила. И что тут такого? Я люблю свой род деятельности и вряд ли смогу заниматься чем-то другим.

- Он очень жесток.

«Еще как жесток», – мысленно согласилась с женщиной.

– Предпочитаю видеть то, что перед глазами, а не за спиной.

Глеб Олегович опять усмехнулся, а затем выкинул сигару в урну. Вновь напряженная тишина. Вновь мужчина внимательно рассматривал меня, только в этот раз я не отвернулась в сторону, не смущалась, а наоборот – смело взглянула в темные глаза, бросая вызов.

Но мы оба знали, что это не так.

Какой вызов может бросить девятнадцатилетняя девушка взрослому мужчине? Вот и я не знала ответа на этот вопрос, не хотела его даже искать. Бессмысленно.

Не знаю, сколько по времени мы стояли у театра и открыто продолжали играть в гляделки, словно загипнотизированные (по крайней мере, я находилась в таком состоянии). Оторваться нам удалось не сразу, как только услышали клаксон.

– Ксюша, – неожиданно громко крикнула мама, выглядывая из переднего сидения отцовской машины.

Только сейчас заметила, как машина родителей подъехала прямо к нам с Глебом Олеговичем. Интересно, почему я залипла на нем? Почему так внимательно рассматривала шикарный черный костюм и лицо со шрамом? Осмелела в какой-то момент? Не похоже это на меня. Совсем не похоже.

Ничего не говоря, я просто подошла к машине отца и села на заднее сидение. Наконец-то поеду домой, наконец-то выплусь, а завтра выясню, куда пропал Леша. Я все ему выскажу, пусть не сомневается. Вот только моим планам на ближайшие часы суждено кануть в лету.

– Глеб Олегович, не присоединитесь к нам за ужином? – пробасил папа, не понимая, что буквально поставил крест этими словами.

В такой поздний час принимать гостей? Еще сидеть до конца вечера за одним столом, пока гость не уйдет. Серьезно? Надеюсь, наш «гость» не ответит

согласием. Пусть придумает какие-то неотложные дела или выдумает жену, которая ждала его дома. Ну же! Не подведи!

– С удовольствием.

Вот блин!

Если честно, я не поверила его словам, надеялась, что он шутит. Думала до того момента, пока массивная фигура не приземлилась возле меня на заднем сидении. Ладно, как-нибудь переживу. Уйду пораньше спать, объяснив свою усталость, или сыграю сонливость. Но, только подъехав к дому, я поняла, что этот вечер не спешит заканчиваться. Он только начинается.

Глава 3

До дома мы доехали за считанные минуты. Закрыла глаза возле театра, а открыла возле родного подъезда. Вот что делает сон с измотанным человеком.

Очень устала после премьеры. видимо, сильно устала после спектакля. Но стоило нам припарковаться возле дома, я осознала всю комичность ситуации. Нет, не сам приезд домой, а то, что уснула рядом с папиным деловым партнером. До этого лишь напрягалась в его присутствии, и ни о каком спокойствии не могло идти речи, а тут...

Видимо, силы совсем меня покинули.

Оказывается, пока я репетировала целый день спектакль в театре, мама наготовила много вкусностей, от которых слюнки текут. И которые мне нельзя. Черт! Решила выделиться ради гостя по просьбе отца, а мою диету, как всегда, никто не учёл.

Но сейчас не время думать об этом. Главное, побыстрее завалиться спать. Ради выгодной сделки отца все-таки готова посидеть минут двадцать, но не больше – я не железная.

– Угощайтесь, – мама приветливо предложила гостю, который сел во главе стола на папино место. Вот это почтительность. Видимо, папе очень важно сотрудничество с этим странным человеком.

– Наталья, все очень вкусно. Вы прекрасная хозяйка, – произнес Глеб Олегович, попробовав мамину фирменную курочку в кисло-сладком соусе. Была не была, тоже немного съем. Не все же время диету соблюдать.

– Спасибо.

Ужин проходил непринужденно и совершенно спокойно, я даже переставала чувствовать дискомфорт в компании с мужчины и позволила себе расслабиться. Возможно, это связано с тем, что он больше не поглядывал на меня своим странным темным взглядом, в котором зрачки сливались с цветом глаз, а беседовал с папой о бизнесе.

Стоило нам всем приступить к трапезе, и вовсе позабыла об этом человеке. Мужчины обсуждали будущее сотрудничество, а мы с мамой наслаждались пищей. Ну, почти наслаждались. Я ещё мечтала о сладком сне. Когда же они закончат?

– Вы уже решили свои дела? – услышала мамино любопытство, внезапно долетевшее до меня.

– Почти, – деловито ответил папа.

– Мам, спасибо, все очень вкусно, – вмешалась в разговор родителей, чувствуя, что вот-вот клюну носом в тарелку. Свою дань приличия я отдала ещё минут десять назад, пора завалиться спать.

Но не тут-то было.

– Куда ты собралась, Ксения? – спокойно поинтересовался папа, а в глазах стоял немой приказ. Приказ оставаться на своём месте. Что, ещё не все?

– Пап, я целый день на ногах, я очень сильно устала!

– Не волнуйся, мы тебя надолго не задержим, – проговорил папа.

Черт, ну на кой хрен необходимо мое присутствие во время общения с бизнес партнером? На часах почти двенадцать, я ужасно вымоталась. Хочу спать! Спать! Вся эта ситуация до одури раздражала и откровенно злила.

– Так что, подписываем? – поинтересовался отец у сидящего во главе стола мужчины.

– Думаю, нужно спросить мнение у главного лица, – низкий бархатный голос приобрел неизвестную ранее хрипотцу. Приятную, но немного странную.

Не сразу заметила, как все члены моей семьи, включая Глеба Олеговича, уставились на меня во все глаза, будто я сморозила какую-то глупость.

– Что? – недоуменно я посмотрела сначала на маму, затем на отца, желая узнать причину столь пристального внимания. И заметила одну важную вещь. Их взгляды не сулили ничего хорошего.

– Она не в курсе? – поинтересовался Глеб Олегович у папы. О чем он? О чем я не в курсе? Что происходит?

– Ксюшенька, – медленно начала мама, ласково растягивая мое имя.

Так случалось каждый раз, когда она пыталась донести до меня какой-то важный смысл, и сейчас, видимо, происходило то же самое. Нервничает. Стараются собраться с мыслями. Но почему она так себя ведет? К чему этот разговор?

– Наташ, давай я, – перебил отец, а затем внимательно посмотрел на меня. – Ксения, ты уже взрослая девушка, сама добилась больших успехов в балете и должна понимать, что такое конкуренция, – он начал издали. Больше скажу, совсем издали, ибо смысл его слов пока что не понятен. – Мы с Глебом Олеговичем решили соединить наши компании воедино, чтобы убрать ненужных конкурентов и стать монополистами. Ты знаешь, как мы тебя любим и как ты нам дорогая. Поверь, это все для твоего блага.

– О чем вы вообще говорите? – перебила я, все еще не осознав, к чему клонил папа. Он все ходил вокруг да около, но, в отличие от мамы, не нервничал.

– Вскоре вы с Глебом Олеговичем поженитесь.

В одно мгновение сон как рукой сняло, усталость отошла на второй план, а на первый вышел шок от услышанного...

«Вскоре вы с Глебом Олеговичем поженитесь»

Эти слова проносились в голове раз за разом, а смысл их так и не хотел доходить. Не желал. Я не желала все это воспринимать всерьез. Это шутка? Розыгрыш? Сегодня первое апреля вместо июня месяца? Может, я что-то не понимаю, может, настолько вымоталась за день, что больше не могу отличить действительность от вымысла?

Мама смотрела с вселенской грустью, папа старался поймать мои эмоции и понять, о чем я думаю, а Глеб Олегович... Он почти не глядел в мою сторону. Точнее не так. Взглянул пару раз, а потом отвернулся и продолжил греметь столовыми приборами.

Сейчас еда больше не казалась мне такой изысканной, а люди, сидящие за столом, не приходились мне родителями. Нет. Это чужие люди. Кто угодно, только не мои мама и папа. Потому что родители ни за что в жизни не отдали бы меня замуж за незнакомого мужчину ради слияния каких-то там компаний. Это невозможно. Никто бы в здравом уме не поступил бы так. Никто...

– Ксюша, скажи что-нибудь, – подала голос мама. Она уже не казалась такой веселой. Ещё бы она радовалась, когда на моем лице, скорее всего, написан шок.

– Это шутка? – я не узнала собственный голос. Низкий. Хриплый. Севший.

– Нет, – спокойно проговорил папа.

И этот ответ добил окончательно. Но слова родителя казались цветочками по сравнению с его голосом, с его спокойствием. Он делал вид, что все нормально,

а подобные заявления в порядке вещей. Я точно сейчас не сплю?

– А как же я? Вас мое мнение вообще интересует?– мой вопрос был обращен больше к Глебу Олеговичу, нежели к родителям, которые в один прекрасный момент решили за все меня. Нет, я не говорю о какой-то подготовке к разговору. Такая ситуация в принципе не должна возникать.

Не должна, но возникла...

– Ты продолжишь танцевать и дальше, как решит Глеб Олегович.

– Как решит? – мой голос повысился на несколько октав от эмоционального накала. – То есть он еще и решать за меня будет?

– Ксения! – поднял голос отец, смотря на меня суровым взглядом. – Это не обсуждается. С Глебом Олеговичем мы уже договорились, тебе нужно только принять эту новость.

– Не хочу я ничего принимать! Вы не имеете права что-то решать за меня! – окончательно психанув, поднялась со своего места и направилась в прихожую.

Не хочу участвовать в этой клоунаде, не хочу знать, что еще пообещал мой заботливый папочка этому мужлану ради своего бизнеса! Не хочу!

– Ксения, вернись за стол! – услышала я где-то позади себя.

– Перебьетесь! – уже стоя в коридоре, я накинула ветровку, быстро надела кеды и хлопнула дверь. Все! Хватит с меня!

Кровь бурлила внутри, текла по венам огромной скоростью. Кажется, я даже слышала шум в голове. Руки тряслись. Буквально. От непонимания, от обиды.

За что они так со мной? Я всю жизнь любила своих родителей, слушала их, почитала, брала пример, а они так подставили меня, буквально продали, как ненужную куклу. Выставили на аукцион ради своего благополучия. Почему это происходит со мной?

Слезы лились по щекам от обиды и разочарования, размывая видимость. Не вглядывалась в родной двор, где жила девятнадцать лет, не смотрела куда иду, даже не почувствовала, как начал накрапывать дождь, а мелкие капли оседали на моей коже.

– Стой! – услышала позади себя голос. Это не отец и не мать. Это он. – Ксения, подожди, – Глеб Олегович в итоге догнал меня, как бы я ни старалась убежать подальше и оказаться наедине с самой собой. Видимо, мне и это не позволено.

Он схватил за плечо и развернул себе.

– Чего вам? – спросила довольно грубо. Я встретилась с его темным взглядом, не боясь больше смотреть на него, стесняться или смущаться – бесстрашие заняло их место.

– Тебе нужно успокоиться.

– Я лучше знаю, что мне нужно, а что нет! – выкрикнула я.

Можно предположить, что он ни в чем не виноват, только я считала по-другому. Вряд ли мужчина был против такой партии, иначе бы выказал свое недовольство раньше, когда договаривался с папой.

– Понимаю, эта ситуация может показаться тебе странной, но...

– Вам ли говорить о странности? – перебила я. – Вы знали обо всем и не сказали мне тогда, на парковке.

– Я думал, что родители тебе сообщили, – ответил спокойным голосом Глеб Олегович. Хотя, может, мне уже пора называть его «мой дорогой пупсик»? Или как там любят гламурные бабенки богатеньких мужей? Нет! Ни за что он не станет моим мужем!

– А нужно было подумать!

– Ксения, ты расстроена. Давай отойдем и спокойно все обговорим, – он хотел прижать меня к себе, обнять, словно маленького котенка с улицы, только этот

мужчина вряд ли в курсе, что даже у самого маленького котика имеются в запасе коготки и острые зубы.

– Вы тупой? – смотрю в ничего не выражающее лицо папиного партнера. Смотрю и понимаю, что никакой разговор не развесит мифы. Он станет уговаривать меня согласиться на этот брак, а я... так же психану и убегу куда подальше от этого фарса. – Я не собираюсь за вас замуж! Сами с отцом разруливайте свои проблемы, а меня оставьте в покое!

Я резко выдернула руку, воспользовавшись ситуацией, и побежала куда глаза глядели, лишь бы больше не приближаться к этому месту, не возвращаться туда, где за тебя все решили.

Не связываться с теми, кто предал...

Глава 4

Не помню, сколько находилась на улице, чувствуя, как по лицу стекали довольно крупные капли дождя. Первый летний дождь я всегда ждала с нетерпением, с неким трепетом в груди, только вместо того, чтобы радовать, он меня разочаровывал.

К сожалению, он не в состоянии унять ноющую боль в груди, не способен вылечить или утешить. Это просто вода. Обычные капли. Когда-то я считала, что они способны снять усталость после тяжелого дня в театре, только все это самовнушение. Глупое самовнушение, достойное наивной маленькой девчонки.

Достойное меня...

Глеб Олегович не стал меня догонять, понимая, что это бесполезная трата времени и сил. Почему? Потому что именно на этого человека я готова спустить всех собак, выплеснуть всю злость не на родителей, а именно на него. Это он появился в компании отца, он появился в моей жизни и желал разрушить ее.

Только я не позволю этому свершиться. Не допущу. Пусть любая другая дурочка соглашается на брак со старым уродцем. Любая, но только не я! В балете нас учили быть сильными не только физически, но и морально, ибо сила духа заставила идти вперед с высоко поднятой головой и не отступать назад.

В какой-то момент перешла с бега на обычный шаг. За мной никто больше не гонится, не пытается навязать своё мнение. Хотя нет, с этим я опоздала. Мне уже навязали его в лице мужлана. И у меня просто-напросто нет выбора. Совсем.

Нет! Вру. Свой выбор я уже сделала, покинув родные стены дома. Вернулись ли? Вряд ли. Я справлюсь без помощи родителей, а уж тем более без папиного хрыча со шрамом.

Интересно, на кой черт я сдалась ему? Он взрослый мужчина, самостоятельный, владеет своей компанией и должен жениться на женщине своего статуса и возраста. На ком угодно, но не на мне.

Но что делать дальше? Возвращаться домой не собираюсь? Не хочу видеть лживые лица родителей и слушать речи о выгоде такого брака. Он не выгоден хотя бы потому, что я не люблю этого человека. И никогда не полюблю. У меня уже есть любимый парень.

Внезапно где-то в глубине своей души я все же увидела кусочек света. Лёша. За расстройством я совсем про него забыла. Забыла про родного человека, который в состоянии не только утешить меня, но и помочь в трудную минуту.

Мысленно больше не задавалась вопросом, где он пропал, куда делся и какого черта вообще игнорировал меня весь день. Плевать, что он пропустил спектакль. Сейчас я нуждаюсь в его объятьях и тепле как никогда ранее. Нуждалась в его поддержке, в словах утешения, зная, что в наших сердцах все еще горит маленький луч света, способный разрушить все преграды.

Бегу по известному уже несколько лет адресу. Бегу, несмотря на перекошенные лица немногочисленных прохожих, бегу сквозь слезы и боль, сжимающую грудь. Потому что знаю, что там, на четвертом этаже пятиэтажки найду утешение, найду свою порцию заботы и ласки.

Найду свою любовь...

Внутри все клокотало, как только я забежала в подъезд. То ли от переизбытка эмоций, то ли от холода. Вода стекала по длинным волосам в самый разрез платья, но даже эта мысль меня никак не беспокоила после случившегося некоторое время назад. Сейчас я хочу лишь увидеть родное лицо.

Только в тот момент я не представляла себе настоящее падение со скалы в пропасть...

Дверь его квартиры оказалась открытой, что заставило напрячься. Подобное не предвещало ничего хорошего, по крайней мере, в книгах и фильмах открытая входная дверь не являлась предзнаменованием чего-то радостного.

В темноте трудно заметить какие-то движения, но характерные звуки выдавали виновников с головой. Вздохи, крики, протяжные стоны и скрип кровати. Тот самый скрип, который всегда меня бесил во время занятий любовью с Лешей. Уверена на все сто процентов, что сейчас здесь занимались тем же.

Я могла накручивать себя мыслью, что в квартире его друг со своей девушкой, только глупо делать саму из себя дуру – родной рык во время пика узнала бы, даже будучи глухой. Реальность оказалась куда жёстче, чем я предполагала.

Резко включила свет, уже зная, что увижу обнаженного парня в объятьях другой, однако судьба решила добить меня окончательно. Сравнять с землей, заставляя низко пасть. Не ощущаю слез, не слышу, как пронзительно кричу, смотря на предателя, в котором несколько секунд назад искала опору.

Он был с ней.

С Ланой.

Блондинка смотрела на меня хитро, но при Леше состроила невинный взгляд, в то время как мой когда-то любимый парень растерянно откинул девушку в сторону и глядел на меня с удивлением. Черт возьми! Судьба решила окончательно меня добить, да?

– Ксюша, ты как тут оказалась? – в его голосе уже не слышалось той уверенности, которую когда-то вселял в меня.

- Через дверь, - грубо рявкнула я, наблюдая, как он ищет одежду на полу, стараясь прикрыть свои причиндалы. В отличие от Лены. Девушка продолжала сидеть на небольшой кровати, демонстрируя прекрасную фигуру. Чертова сука!

Все это похоже на какой-то цирк, на спектакль. На что угодно, только не на реальную жизнь. Такого не бывает. Вновь хочу уйти отсюда и не видеть эти фальшивые лица, хочу убежать, спрятаться ото всех и сделать так, чтобы больше никто меня не нашел.

- Я все объясню, - протараторил невпопад Леша.

- Да пошёл ты!

Я вновь сорвалась по лестнице вниз, как некоторое время назад в родительском доме, понимая, что больше не могу находиться с предателями. Дежавю. Не могу стоять с ним в одном помещении, дышать одним воздухом. Это трудно.

А ещё труднее осознать, что ты осталась одна в этом мире и никто, ни одна живая душа, не способна прийти на помощь. Потому что они обязательно проникнут в душу и разворотят ее. Потому что предадут и бросят.

Когда-то я говорила, что чувствовала злость на родителей за их поступок? Когда-то говорила, что хуже быть не может? Все это ложь. Потому что именно сейчас, именно в этот момент, вновь выбежав на дождливую улицу, я оказалась на самом дне.

Больше не ощущала ничего. Ни обиды. Ни беспомощности. Пустой сосуд. Если меня переедет грузовик, я не почувствую ничего. Потому что боль от разочарования в людях убила меня, добила лежащего с кровоточащей раной в груди.

Она больше не затянется, не исчезнет, не перестанет беспокоить. Эта рана оставит рубец на душе, от которого невозможно избавиться с помощью пластической хирургии. И так даже лучше. Возможно, жить станет проще.

Только я в это совсем не верила...

Глава 5

Боль. Помните, как вампирша по имени Джейн из «Сумерек» заставляла каждого неугодного ей мучительно страдать? Наверное, будь под ее властью, то вряд ли я что-то почувствовала, вряд ли скручивалась от ужасной боли и умоляла бы остановиться.

Не стану.

Потому что для меня это все пустяк, ерунда. Все это выдумка. Потому что настоящая боль томилась в душе, разливалась медленным ядом в каждую клеточку организма, отравляя его. И вывести этот самый яд невозможно. Нереально.

Последнее время я часто сидела в своей комнате с закрытыми окнами и занавешенными шторами, стараясь ни о чем не думать, но даже через эту тьму и полную изоляцию слышала шум летнего дождя и радостные крики с улицы. Слышала и понимала, что подобные эмоции мне не свойственны уже давно.

Сколько это длится? Неделю? Может, две? Со временем я просто-напросто их лишилась, отбросила, выкинула в урну в тот день, когда на меня свалилось все как снежный ком на голову. Их не существует. Меня, как личности, больше не существует.

Стоит взять себя в руки, а не пытаться вечно жалеть себя, то могла бы выкрутиться из этой ситуации. Только неприятные мысли одна за другой бегали в голове, не дав возможности здравому смыслу как-то оказать своё влияние.

В ту роковую ночь я просто скиталась по дождливым улицам, пока не свалилась где-то на скамейке детской площадки. Хотела провалиться сквозь землю, перестать существовать. Сдохнуть.

Размышляя об этом в тот момент, даже не почувствовала, как меня аккуратно взяли на руки, прошептали какие-то невнятные слова и унесли подальше от холода. В тепло. Прижимали крепко, дав возможность почувствовать мнимую безопасность и надежность.

Я не сопротивлялась, не пыталась вырваться. Сил совсем не осталось после изматывающего спектакля и эмоционального всплеска. Просто поддалась воле судьбы, проплыла по течению. Проснулась буквально на следующий день от пульсирующей боли в голове. Не задавалась вопросом, какого черта я очутилась именно здесь, а не на детской площадке.

Подозреваю, что без влияния отца не обошлось, да и старый хрыч, скорее всего, постарался на славу. Действительность сильно ударила по голове, преследовала время от времени, только встречаться с ней сейчас не желала.

У меня больше ничего не осталось. Ни любящего парня, ни нормальной семьи. Вновь грудь сильно сдавило, а глаза сильно защипали, стоило вспомнить предателя в объятьях сисястой Ланы.

Чем я не угодила? Дело во внешности или во внутренних признаках? Почему Леша так легко предал нашу любовь, позабыв о моем существовании? Понравились огромные бидоны или наглые глаза блондинки? Так и хотелось выкрикнуть эти вопросы в лицо. Но разве ответы имеют хоть какое-то значение, когда сердце разбито, а душа окончательно умерла?

Пару раз Леша пытался дозвониться, писал в "Вконтакте", даже приходил домой и общался с родителями. Только на порог парня никто не пустил. Маме и папе сейчас невыгодно наше примирение – факт измены значительно облегчил задачу, предоставив больше шансов устроить мой брак с мужланом.

Единственное, что спасало меня от дикой боли в груди – это балет.

Спектакли продолжились – пропускать репетиции ни в коем случае нельзя. Только на сцене я собирала себя по кусочкам и шла напролом, позабыв о своих бедах. В это время старалась не обращать внимания ни на колкие взгляды Ланы, ни на косые и сочувствующие других артистов. Просто танцевала, следуя за порывом истерзанной души. До изнеможения, пока мышцы не сводило судорогой. До финала.

Пока не встречалась взглядом с почти черными глазами «жениха»...

Поначалу его приходы на каждое выступление казались абсурдными, затем какой-то насмешкой, а после – привычкой. Мирное существование на сцене готово вот-вот разрушиться, а барьер, который я резко выстроила от всех окружающих, должен превратиться в прах вместе с любовью всей моей жизни к парню и родителям.

Даже в темноте я чувствовала его взгляд. Нет необходимости искать его в зале – сам давал о себе знать. Мужчина всегда заказывал одно и то же место – VIP-ложу на балконе справа от сцены. Приходил на каждый спектакль, а в конце, на поклоне, вручал огромный букет красных роз, которые терпеть не могла.

Я принимала цветы с большой неохотой, но все равно сохраняла лицо перед зрителями. Стоило только уйти за кулисы и оказаться в гримерке, тут же раздавала всем артистам по одной розе, пока из моих рук не исчезал весь букет.

Этот мужчина мог сколько угодно пытаться достучаться, склонить к общению, только меня не подкупишь. Мне плевать на него, и чем скорее он поймет, тем лучше.

Но это ещё пол беды...

С родителями оказалось все гораздо сложнее. Уйти из дома не могу, а находиться рядом с ними невозможно. Я старалась до того, как они проснутся, завтракала в кафе, а затем шла на репетиции и возвращалась почти в полночь. А если мы встречались в коридоре, то расходились по своим делам.

Мне не о чем с ними разговаривать, нечего обсуждать, нечем делиться. Они исчерпали лимит доверия, убили его за тем ужином, объявив о скором замужестве. Ну уж нет, я не сломаюсь, не поддамся на уговоры, как бы не был выгоден брак между мной и мужланом.

Первое время мама старалась наладить со мной контакт. Стучала в закрытую дверь, пытаясь заговорить со мной, порой ждала допоздна, когда явлюсь домой, только я ни в какую не желала налаживать отношения с родителями. Не хочу. Бесполезно.

О чем с ней говорить? О том, что мне необходимо выйти замуж за незнакомого взрослого мужчину, которого совсем не люблю? Всю жизнь я была уверена, что

замуж выходят лишь однажды, по любви. Лишь совсем недавно убедилась в обратном.

Время потихоньку шло, спектакли хорошо убивали время, только на пользу мне ничего не шло. Августина Кирилловна часто ругалась из-за грустной мины на лице и отсутствие улыбки, да и круги под глазами перед выступлением приходилось замазывать несколькими слоями консилера.

Постоянные слёзы, недосып, изнеможение. Все это совсем не ощущалось. Это лишь физическое состояние организма, которое не чувствуется под острой порцией боли. Лучше я буду испытывать хоть что-то, нежели совсем ничего.

Сегодня меня ждет ещё один спектакль. Два в один день – дневной и вечерний. Дневной прошёл почти как по маслу, лишь партнёр чуть прихрамывал на последнем акте по собственной глупости. Мы все устали – это естественное состояние для артистов балета, но нельзя расслабляться. Не сейчас.

– Ксюша, можно тебя? – Августина Кирилловна позвала меня после финального прогона.

– Да, конечно.

Народу вокруг практически не было, только пара человек, занимавшихся своими делами. Только я одна стояла на сцене, репетируя свою партию, ведь именно один на один со зрителем готова выложить все силы, проникнуться всей душой и раскрыть своего персонажа.

Мы зашли в просторный кабинет руководителя и уселись на небольшой диванчик возле окна.

– Дорогая, ты совсем бледная, – начала руководительница, смотря на меня с явным беспокойством. Хоть кому-то было дело до моего состоя. Наверное. – Может, полежишь здесь, отдохнёшь?

– Через полтора часа у нас начало спектакля.

– Не переживай, я попрошу Лану станцевать, – заботливый, нежный голос, взгляд, полный переживания, да еще невинное касание ладони. Кого-то мне это напоминало. Мать, которая настояла на браке с нелюбимым человеком.

От услышанного стало нехорошо. Нет, дело даже не в самой новости, а в девушке, которая «желала» меня заменить. Я и так видела Лану чаще положенного, ловила косые и злорадные ухмылки, так она ещё решила надавить на нашего руководителя и сместить меня с места прима?

Ну, уж нет!

Стоит ей станцевать один раз, дойдёт до второго, третьего, четвёртого. В итоге я отойду на второй план, а эта гадина уведет не только любимого парня, но и любимую работу. Говорят, незаменимых людей нет, только я в это список не вхожу.

– Не волнуйтесь, Августина Кирилловна, я станцую, – соврала я. Знала, что дело не в еде, а в душевном состоянии.

– Смотри, Ксюшенька, не загоняй себя, – заботливо проговорила женщина.

Я хорошо относилась к Августине Кирилловне, только в последнее время слишком часто наблюдала фальшь в ее словах, в голосе, в повадках. И что-то мне подсказывало, что неспроста женщина подняла эту тему.

На этом наш разговор завершился. Я ушла в гримерку, где шумели девочки, собравшись перед началом выступления, и прошла в танцевальный зал на разминку. Нельзя, чтобы мышцы остыли перед самым выходом. Загримироваться я всегда успею, главное – хорошая подготовка.

– Собирайтесь, через пять минут начинаем! – крикнула Августина Кирилловна, обратив на себя внимание всех участников балета.

Пора!

Мой выход запланирован не сразу, лишь через пару минут после выступления кордебалета. Чувствую себя плохо, хуже некуда. Слабость и нервное

раздражение сопровождали меня постоянно с момента того рокового дня, но я старалась не обращать на это внимания.

Наплевав на все, вышла на сцену с улыбкой на лице, словно огромной раны в груди не существует в принципе. Сейчас существуют только я и мои зрители. Хотя нет, не только они. Вновь ощутила присутствие нежеланного гостя. Даже смотреть в сторону VIP-лож не стоило – и так знала, кто там сидел с огромной охапкой роз.

Тем временем слабость не желала отступить. Я уже подумывала о предложении Августины Кирилловны, только одна мысль о блондинке, танцующей мои партии, не позволяла отступить. Мне необходимо дотанцевать этот спектакль. За два последующих дня я смогу отдохнуть и прийти на репетицию с новыми силами. Но опускать руки сейчас никак нельзя.

– Ну что, не устала? – услышала знакомый голос за своей спиной. Лана. Впервые посмела заговорить со мной после того случая. – Лёша обещал приехать на выступление. Знаешь, он такой заботливый. Жалко, что ты недооценила парня по достоинству.

Хотелось добавить, что Леша больше говорит, нежели делает (приезд на мой дебют тому подтверждение), но постаралась держать все в себе. Нет, гневаться мне сейчас нельзя, даже на такую суку, как Лана.

– Ксюша, пора! – крикнули возле кулис.

– Не волнуйся, – продолжила девушка, не обращая внимания, что я отошла от нее на несколько шагов – она встала вровень. – Я позабочусь о своём, – нарочито подчеркнула это слово, – парне. Ведь наша любовь настоящая, – ядовитый голос, слащавые нотки победы. Ненавижу. Сука! Чертова сука!

Какого хрена она позволяет? Зубы железные? Лана специально пыталась вывести меня на эмоции, заставить разозлиться. Только она ошиблась. По себе людей судить не стоит. Я не из тех, кто разбрызгивает яд, злорадствует попросту, потому что моей душеньке угодно. Такие, как Лана, часто платят за свои поступки. Настанет и ее черед.

В момент ответа настала пора выбегать на фуэте. Разговаривать с этой тварью я не желала, да и думать тоже, только все, что сдерживала внутри довольно продолжительное время, находясь в стенах театра, потихоньку выплывало наружу.

Вся злость на бывшего за измену, гнев на родителей за предательство, ярость на мужлана за то, что появился в моей жизни. Все это выливалось во что-то невообразимое и ранее неизвестное. Но я продолжала улыбаться, чувствуя, как дрожат ноги и вскипает голова. Все из-за него. Из-за Глеба Олеговича.

Нарушив собственные правила, все-таки обратила внимание на зрительный зал, а точнее на VIP-ложи. Едва разглядела массивную фигуру, восседающую в красных шторах, и встретила с темными глазами, буквально пожирающими на расстоянии. Смотрела и не отрывалась. Подумает, наверное, что я странная, ненормальная, больная на всю голову, только мне сейчас мне на все плевать.

Встала в стойку и начала крутить повороты. Ноги вытянуты, носки натянуты, правая нога приподнята на девяносто градусов относительно левой, а точкой зрительной опоры выступил названный «жених».

Все шло хорошо до двадцать второго такта, пока в один момент у меня не начала сильно кружиться голова, а слабость, которая беспокоила долгое время, усилилась в разы. Вроде бы все правильно делала: быстро находила свою точку, быстро работала ногами, но слабость все больше и больше поглощала меня в свои объятия.

В какой-то момент мир перевернулся, откинулся куда-то назад, а потом и вовсе исчез. Подобное произошло со мной однажды, когда родители объявили о скором замужестве, а Лёша изменил с Ланой. Теперь история повторялась, только чувство дежавю в этот момент я не испытала.

Глава 6

– Мне вообще не нравится ваша затея! – сквозь сон едва просачивался знакомый женский голос.

Черт возьми, мама, когда же ты научишься разговаривать тихо, пока я сплю? Когда наконец-то отдохну и высплюсь, вместо того чтобы испытывать невообразимую тяжесть, словно тело налито свинцом?

– Наташ, ты хочешь жить роскошно или под мостом? – рявкнул папа не с меньшей громкостью.

И он туда же! Не пойму, моя комната стала проходным двором? У нас настолько маленькая квартира, что выяснить отношения нынче негде? Вроде нет. Габаритам можно позавидовать. Не дворец на Рублевке, но красивая квартира, где можно развернуться.

– Этот Глеб наша золотая жила. Знаешь, сколько в год он получает? А я тебе отвечу – дохрена, – и старого пердуна сюда приплели! Отличное утро, блин. – Ксюша будет в надежных руках, да и мы с тобой заживем лучше.

– Я не хочу, чтобы из-за ваших игр страдала моя дочь!

– А лучше, чтобы она продолжала плакать по тому нищевроду? – не сразу поняла, что имел в виду папа, о каком нищевроде говорил и почему я страдала из-за него. Складывалось ощущение, что мне стёрли память, а восстановиться в таком состоянии не может. – Глеб позаботится о ней. Он души не чает в Ксюше, влюбился, как мальчишка. Нужно этим воспользоваться.

Влюбился, как мальчишка? Души не чает? О чем они? Почему Глеб Олегович должен был в меня влюбиться? Он старше меня лет на двадцать, если не на тридцать. Я ему в дочери гожусь! Какая к черту влюбленность? И где Лёша? Почему его нет рядом?

Я медленно подняла отяжелевшие веки, впуская свет большого окна, из которого ярко светило солнце. И испугалась. Нет, не солнечного света, а помещения. Оно мне не знакомо. Белые стены, белая тумбочка, белая кровать. Все так и сверкало белизной.

Однако меня это не совсем радовало.

Почему сразу не осознаю, что нахожусь в больнице, а не в своей комнате? Возможно, не почувствовала запах препаратов, который терпеть не могла. Или желала остаться в своём коконе и думать, что сейчас все хорошо? Подходящий вариант найти не удавалось...

... пока воспоминания последних недель, словно ведро с водой, мгновенно вылились на голову.

И все началось заново. Непонимание, осознание, разочарование. Я переживала каждое событие заново, начиная с моего дебюта, заканчивая последним спектаклем, на котором мысли резко оборвались.

В горле тут же ощутился острый ком, готовый вот-вот вылиться в поток слез разочарования и обиды. На всех, включая родителей, которых я почему-то не видела. Но это к лучшему. Не хочу, чтобы ко мне кто-то приходил.

Мне нужно понять, что со мной произошло. Хотелось позвать врача. Но вместо него заметила два знакомых с детства лица, стоящих недалеко от двери. Родители. Они бесшумно вошли в палату и оказались прямо передо мной. Такие родные, но в то же время чужие, такие близкие, но в то же время совсем далекие.

Они смотрели на меня как-то странно, с беспокойством. У мамы чуть опухли глаза и покраснели, а отец казался чуть напряженным, но внимательным, будто пытался выловить изменения на моем лице. Давно их не видела такими... взволнованными. Беспокоились за мое здоровье? Я бы могла сказать, что они все-таки мои родители и подобная реакция вполне нормальна, но не в моем случае. Не в моем.

– Что вы тут делаете? – тут же вылила этот вопрос на родителей, смотря в глаза то на папу, то на маму.

– Ксюшенька, доченька, мы так переживали! – начала мама, но я быстро перебила пламенную речь, несмотря на правдоподобность нежного тона и красивого лица. Больно. Как же больно осознавать реальность. Как же больно понимать, что эта нежность наиграна...

– Почему я здесь?

– Тебе стало плохо во время спектакля.

В это можно поверить. Помнится, в последнее время я чувствовала себя хреновенькоо, а во время выполнения фуэте слабость взяла верх. Да ещё и разговор с Ланой добавил красок.

– Ты так долго проспала, мы все очень переживали.

– Долго проспала? – выкрикнула я, посмотрев на мать с ужасом. – Сколько?

– Два дня.

Эти слова теперь заставили меня не на шутку напрячься. Почему я нахожусь здесь так долго? Почему никто не разбудил? Ведь если, по словам матери, я спала два дня, то сегодня по графику меня ждали ещё два спектакля.

За окном далеко не утро, скорее всего день. Я бы ни за что не успела доехать до театра и выступить. Кто наденет мое платье? Кто танцует сейчас вместо меня? Вопрос риторический.

Вот черт! Какого хрена организм решил подвести меня именно сейчас, в разгар спектаклей, когда моя карьера только-только начала подниматься в гору? Критики дали мне положительные отзывы и пророчили блестящую карьеру балерины, но станет ли все как прежде, если пропущу один спектакль?

– Ксюша, звонила Августина Кирилловна. Завтра ты даешь интервью, – сообщила мама. Я не сразу поняла, в какой момент папа покинул палату, а мы остались наедине с когда-то любимой родительницей. Ключевое слово «когда-то», ибо сейчас практически ничего не чувствую к стоящей неподалёку женщине.

– Где?

– Здесь, в больнице.

«Вы с ума сошли?» – хотелось выкрикнуть в лицо.

Я и так ни черта не соображаю, да ещё и не в курсе, что со мной произошло, а тут интервью. Зачем оно мне? Рассказать репортерам о «великом» падении молодой примы на сцене? Знаете ли, не особо хочется делиться своим поражением и слабостью с посторонними людьми.

– Вы даже не спросили, хочу ли я давать интервью. Опять, – злюсь. Почему-то весть о замужестве казалась мне началом конца, интервью – серединой. Что меня ожидало в конце, в самой пропасти, из которой не выбраться?

– Запомни, дочка, – мама подошла близко к кровати и наклонилась, чтобы я смогла ее услышать, – пока ты недееспособная, права голоса у тебя нет. Это касается не только твоего замужества. Запомни эти слова надолго, они тебе пригодятся.

В этот момент она мало походила на любящую мать. На женщину, которая родила меня и воспитала, которая поддерживала и болела за мою любовь к балету больше, чем я сама.

В родных глазах видела далеко не любовь к своему чаду, а чистой воды расчёт, стратегию, которая не способна разрушиться или свернуть в ненужную сторону. От покрасневшего лица и грустных глаз, которые позволили заселиться маленькой надежде в моей душе, что хоть у кого-то в этой семье есть сердце, не осталось и следа.

Они продумали все до мелочей, до несуществующих изъянов, уничтожая их с корнем.

Мама не стала задерживаться в палате, просто ушла, пожелав скорейшего выздоровления. Заботливый тон и доброжелательное лицо я почти не заметила, окунувшись в собственные размышления.

Лежа в больнице, можно думать бесконечно и о чем угодно. О безграничности космоса, о взаимосвязи человека и окружающей среды. О смысле жизни. Но почему-то о последнем задумалась больше всего и не могла найти правильный ответ. Его не было.

Смысла моей жизни не было.

Поначалу я считала свою жизнь самой счастливой и прекрасной, пока она не засорилась чередой неприятных сцен, которые развернули мнение о близких людях на сто восемьдесят градусов. Все вокруг рушилось, как тщательно выстроенный карточный домик.

Подозревала ли, что мой мир так быстро канет в лету? Вряд ли. Оставалась лишь призрачная надежда, что родители одумаются, парень получит по заслугам или же вся Арама навсегда уйдет из моей жизни.

Хочется верить, что судьба расставит все по своим местам. Но что делать с балетом? Как мне быть сейчас? Что скажет Августина Кирилловна, когда приеду на репетицию после выписки?

Ничего. Пробьюсь.

Звание примы я выбила потом и кровью и сейчас не готова отказаться от этого места ни за что на свете.

Будни в больнице проходили довольно скучно и однообразно: еда, процедуры, сон. Зато я узнала у своего лечащего врача причину, по которой оказалась здесь.

Банальное переутомление сломало так не вовремя. Не случись со мной эмоционального всплеска в те дни, не вспомни я о разговоре с Ланой во время выступления, со мной было бы все хорошо. Моя жизнь оставалась бы счастливой и беззаботной.

День интервью наступил быстро. Лечащий врач едва согласился на это мероприятие, но лишняя пара тысяч долларов, предложенная моими родителями, сделала свое дело. Пришел всего один репортер и оператор с огромной камерой. Хорошо, что огромную пресс-конференцию не созвали. Парни довольно молодые, не зажатые, но и не наглые. По крайней мере, пока.

- Добрый день, Ксения. Смотрю, вы в добром здравии, - начал репортер.

- Я чувствую себя лучше, спасибо, - ответила вежливо парню. Сидеть на стуле долго я была не в состоянии - слабость сразу же давала о себе знать, поэтому пришлось лежать на кровати, как совсем больной пациентке. Выгляжу,

наверное, не очень презентабельно, но ничего не поделаешь.

– Вас отравили? – вопрос задан в лоб, что поначалу обескуражило меня. Не привыкла я блистать перед камерами и раздавать интервью направо и налево.

– С чего вы взяли?

– В балете большая конкуренция. Насколько я знаю, танцовщицы пользуются любыми способами для устранения соперницы.

– Врач сказал, что у меня обычное переутомление, никто меня не травил, – ответила я, чуть улыбаясь в камеру.

– Похвально. Вы стали одной из самых молодых прим русского балета, – гордо произнес парень. – Почему решили так скоропостижно уйти?

Вопрос застал меня врасплох. Чувствую на себе две пары глаз, которые ждали ответ, только я буквально потеряла дар речи от прозвучавшего вопроса.

Решила уйти? Но я никому не говорила, что собиралась уходить. Нет, я вообще не собиралась уходить из балета. Это же глупо! Я станцевала лишь один спектакль, меня ждали еще сотни, даже тысячи подобных. Что за глупость они мне втюхивают?

– Откуда такая информация? – поинтересовалась настороженно у интервьюера.

– Директор театра подтвердил ваш уход после падения на сцене, объяснив это нездоровым состоянием.

Меня охватил ступор. Сказанные парнем слова не хотели воспроизводиться в голове. Это неправда! Нет, он врет! Однозначно врет! Эти журналюги спят и видят, как, застать собеседника врасплох.

Я не хотела верить словам парней, пока они не показали мне статью из их журнала. В этот момент казалось, что вся моя жизнь рухнула...

Только не это...

Что угодно, но не уход из балета...

Злость на окружающих тут же накрыла с головой. На родителей, на мужлана, на Лешу, на Лану, на Августину Кирилловну, на проклятого директора театра. На всех, кто по какой-то причине присутствовал в моей жизни.

Почему они приняли такое решение? Я настолько плохо танцевала? Им не понравилось падение? Поэтому тот старый дурак решил избавиться от меня? И кого они поставили в итоге? Какую-нибудь Лану, которая спала и видела, как я подышаю от переутомления? Или же какую-нибудь другую, не менее амбициозную девушку?

Интервью пришлось прервать. Как именно его выложат или напечатают, не поинтересовалась, все еще размышляя о неожиданной новости. Лишь одно слово вертелось в голове.

Глупая.

Никогда не считала, что это прилагательное можно отнести ко мне, но сейчас, оставшись один на один в больничной палате, осознала, насколько раньше была доверчивой и наивной.

По сути, никому не было до меня дела, никто не пытался заглянуть мне в душу. Родители раньше казались мне общительными, заботливыми и просто прекрасными людьми, только это мнение исчезло, испарилось, а сегодня окончательно поставило точку в отношениях между нами.

Я души не чаяла в любимом парне, однако он легко предал нашу любовь и изменил с той шваброй, строящей за спиной козни. А балет... Это единственное, чем я гордилась, что по-настоящему любила и чему отдавала все свободное время. Потому что сцена – мое призвание. Так говорила руководительница в балетной школе. А теперь меня лишили и этого.

У меня складывалось ощущение, что судьба насмеялась надо мной. Потихоньку отбирала абсолютно все, лишая той беззаботности, которая присутствовала в жизни. Сначала любовь родителей, затем парня, а следом и любимое дело. Хотелось спросить: «За что?»

Что я сделала в этой жизни не так? В чем провинилась? Не уступила бабушке место в общественном транспорте или же на чай официанту в кафе не оставила? Почему судьба поступила со мной так жестоко? Почему?

Слезы лились рекой. Опять. Уже который раз. Наверное, никогда не смогу выплакать слезы. Отчаяние. Разочарование. Потеря. Все эти чувства давили на меня, не дав возможности другим эмоциям пробиться через барьер. Теперь я точно могу утверждать, что смысла в жизни нет. Он потерялся окончательно и бесповоротно. Раз и навсегда. Вряд ли я смогу найти его и жить припеваючи, как раньше.

Я настолько замкнулась в себе, что не заметила, как в палату зашел еще один посетитель.

Глеб Олегович.

Что он здесь забыл – непонятно, но сейчас это последний человек, которого хочу видеть. Он выглядел так же массивно и серьезно, как обычно, даже охапка роз на его фоне казалась маленьким букетом из одуванчиков.

– Привет, Ксения, – услышала я мужской низкий голос. – Надеюсь, с тобой все хорошо. Я волнуюсь.

Да ладно? Он волнуется? Мог бы не врать. Мы практически не знакомы, а переживать он может лишь за свою репутацию после нашей свадьбы, но никак не за меня. Лжец! Все лжецы! Хоть кто-то в этой жизни говорил правду? Хоть один человек?

– Можете не волноваться, я чувствую себя хорошо, – голос звучал отстраненно, но я и не старалась казаться мужчине приветливой. Не тот человек, которому можно раскрыть душу, не тот, на кого можно навалиться со своими проблемами. Совсем не тот.

– Ты подумала?

Не нужно спрашивать, что он имел в виду – и так все понятно. Но если раньше я бы ответила категоричное «Нет!», то сейчас с ответим медлила.

Больше мне терять нечего, я лишилась всего, чем могла когда-то гордиться. Внутри меня осталась лишь пустота. Никаких чувств и эмоций. Как и на спокойном лице мужчины, сидящем передо мной.

Мне казалось, что и в его душе не существовало ни грамма чувств, которые испытывал бы обычный человек. В темных глазах не видно эмоций, в жёстких поступках – радости. Мужчина не думал о моих эмоциях, да и сам ничего по отношению ко мне не чувствовал. Папа в этом плане просчитался. Наш брак – выгодное вложение, от которого он получит бонус.

Посмотрела на высокого мужчину, стоящего рядом с кроватью. Если раньше я его побаивалась, сторонилась или даже стеснялась, то сейчас мне все равно. Плевать на его хищную ауру, плевать на устрашающий шрам на щеке. На него самого.

Не хочу знать, сколько ему лет на самом деле, чем занимается и какую цель преследует на самом деле. Наверное, раньше я бы безмерно страдала, проклинала бы все на свете, припомнила бы этому человеку, что крах моей жизни начался именно с него. Только уже поздно что-то менять, поздно обвинять посторонних. И мне уже все равно. Прошлую жизнь я не верну, а жить новой не хочу. Возможно, именно поэтому из моих губ вылетает тихое:

– Я согласна, – произнесла практически бесшумно, огласив самой себе приговор.

Я не смотрела на его лицо, которое, скорее всего, никак не изменилось, не пыталась забрать свои слова обратно. Мне плевать. Да, в скором времени горько пожалею о необдуманном решении, но только не сейчас.

Глава 7

– Ксюша, посмотри, какое красивое! – восхитилась мама, демонстрируя пышное и чересчур кричащее платье с большим количеством кружева, рукавами, как два огромных фонаря, и какой-то вышивкой на подоле. – Ты будешь выглядеть в нем как королева! – никак не уймётся. Буквально тыкала под нос нечто, называемое свадебным платьем. И это кто-то готов купить? Мне искренне жаль того

человека, который наденет такое платье.

И, судя по всему, этим человеком окажусь я.

Послушно киваю. Продавщица в свадебном салоне смотрела на нас нетерпеливо-выжидающе, хотя больше всего этот взгляд обращён к матери, нежели ко мне. Почему? Потому что я толком ни на что не смотрела и не пыталась даже участвовать во всем этом.

Платье выбирала мама, туфли выбирала тоже мама, даже прическу и макияж она умудрилась подобрать. Но я не возражала, лишь сидела рядом и кивала, как бесчувственная марионетка. Хотя в какой-то степени являюсь ею. Плевать, в каком виде нужно отыграть этот спектакль. Забудьте о моих чувствах, их нет в принципе.

Со временем я закрылась в себе. Нет, теперь не только в комнате, где до сих пор не открывала шторы, но и в себе самой. С отцом я вообще никак не контактировала, проходила каждый раз мимо, когда мы сталкивались лицом к лицу, а вот мама старалась влезть мне в душу, словно ничего между нами не произошло.

Только безуспешно.

После насильного замужества, после слов, сказанных в больнице, я совсем перестала доверять родительнице. Выбор платья, ресторана, свадебного меню и даже торта – это единственное, что позволила выбрать вместо меня. Вообще подготовка к свадьбе проходила где-то мимо, чему я не могла не радоваться от всей души. Пусть делают, что душе угодно. Плевать.

Порой я все ещё горевала по своему детищу. Как бы не хотелось в этом признаться, но балет здорово изменил мою жизнь, а его отсутствие давалось очень тяжело. Немного непривычно просыпаться с утра и после прочтения главы не бежать на тренировку в театр, а валяться на кровати и дальше – спешить больше некуда.

И это утомляло.

Усталость наваливалась на меня больше от безделья, чем от каких-то действий. Иногда я включала музыку, надевала пуанты и, разогревшись, танцевала дома свои партии. Мама часто ругалась из-за топота и жаловалась, что соседи вызовут полицию.

Но разве я ее слушала? Нет.

Лишь в танце приходило долгожданное забвенье. Я погружалась в свою собственную параллельную реальность, где все ещё являлась примой балетного театра и улыбалась своим зрителям.

Почему не вернусь обратно? Наверное, многие подумали, что я не попыталась побороться за своё место, только, зайдя в кабинет директора сразу после выписки из больницы, узнала ужасную правду, которая сломила окончательно.

– Твои родители больше не платят, – вот что мне ответил полноватый мужчина в ответ на вопрос об отстранении. Я не впервые чувствовала на себе пренебрежительный взгляд мужчины, который сам по себе неприятен, но сейчас ощущать его гораздо сложнее и противнее.

– За что они должны платить?

– За твоё звание примы, – он посмотрел на меня так, словно я не понимала, благодаря кому танцевала на сцене. Но в действительности так оно и было. – Ксения, давай говорить откровенно. Танцуешь ты так себе, среднячок, – покрутил рукой в соответствующем жесте. – В твоём коллективе много талантливых девушек. Ты очень далека от звания примы, однако твои родители пообещали большую поддержку нашему театру за соответствующие услуги. Думаешь, все балерины становятся примами в девятнадцать?

Каждое слово директора било меня глубоко в душу, в самое уязвимое место, не скупясь наносить удары. Наверное, если бы я до сих пор испытывала хоть какие-то ощущения, то мигом бы разревелась. Но терять больше нечего.

После этого разговора я чувствовала себя выжатым лимоном. Не в состоянии теперь отличить правду от лжи, действительность от вымысла. Коррупцию от честного труда. В меня не поверил не только директор театра, на которого я положила огромный болт, но и сами родители, что оказалось куда противнее

осознавать.

С самого начала они подкупили все и всех, хотя на деле переживали за меня и поддерживали в минуты слабости. Появление на моем дебюте оказалось фальшивкой, похожей больше на смотрины, нежели на поддержку родителей. Интересно, почему я не догадалась об этом раньше? Почему в темных глазах незнакомого массивного мужчины видела только папиного партнера по бизнесу, а не будущего жениха?

И я знала ответы на эти вопросы. Все мои мысли на тот момент были заняты балетом, волнением во время дебюта, как примы балетного театра, но никак не мужланом. Кстати, мысленно его так и называю за глаза, благо, об этом никто кроме меня не знает.

Сам Глеб Олегович приезжал к нам домой достаточно часто и общался в основном с родителями. Мама по привычке готовила большой обед или ужин, дабы угодить будущему зятю, отец занимал его разговорами о слиянии компаний.

К сожалению, мне приходилось сидеть вместе с ними за одним столом, смотреть на фальшивые улыбки и терпеть ложь. Радовало, что они не предлагали не вмешиваться в разговоры о бизнесе, домашнем очаге и будущей свадьбе.

Я ещё не привыкла называть Глеба Олеговича просто по имени, да и одних нас никто не оставлял, не дав возможности сблизиться. Мама все время находилась рядом, как стражник, за что мысленно благодарила ее, ибо общаться с человеком, после появления которого моя жизнь пошла под откос, не желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dey_karolina/ya-tebe-ne-veryu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)